

Красноперов А.А., кандидат исторических наук, Удмуртский институт истории, языка, литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (Россия)

ПРИВОЗНЫЕ ФИБУЛЫ ПРИКАМЬЯ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э.: МЕХАНИЗМЫ И ПУТИ ПОСТУПЛЕНИЯ

Статья подводит итог изучению «привозных» фибул в Прикамье, раннего («сарматского») периода их распространения. В задачу этой публикации входит обсуждение путей и механизмов появления фибул в Прикамье. Типологический спектр фибул позволяет выделить 3 этапа их распространения, отличающихся также территориально. 1-й – фибулы групп Амброз-5 – Авциссы, Амброз-11 – сильнопрофилированные, Амброз-12 – с кнопкой, или I-II вв. н.э.; 2-й – фибулы группы Амброз-15 – лучковые и Амброз-8 – фибулы-броши, или 1 пол. III в.; 3-й – фибулы группы Амброз-13 – с завитком, или 2 пол. III – нач.(?) IV вв. Типы фибул третьего периода полностью ориентированы на сарматские группы южного Урала. Второй период, представленный лучковыми фибулами 4-го варианта, фибулами с эмалью, отражает время формирования мазунинской и азелинской культур. Картография фибул «1-го периода обращения»: Авцисс, фибул с кнопкой и сильнопрофилированных, не позволяет считать «сармат» степной зоны источником или каналом их распространения. В этом случае вероятен «западный путь», о котором свидетельствуют и другие обстоятельства. Вектор поступления фибул выглядит следующим образом: Прикамье <– Ока (Сура) <– верхнее и среднее Подонье <– «Причерноморье». По времени события не однородны, и связаны с (а) распадом зарубинецкой культуры, (б) формированием 1 горизонта (Рахны-Лютеж-Почеп) позднезарубинецких памятников, (в) продвижением зарубинецких и позднезарубинецких групп на восток и север (до дьяковского ареала), (г) «войнами I в.». Именно с этой волной (а не напрямую с сарматами) – зарубинецкой / позднезарубинецкой / андреевско-писеральской, в смешении с верхнедонской пост-позднескифской – связано появление части «сарматских» элементов в пьяноборских памятниках. В том числе и распространение фибул групп Амброз-5 – Авциссы, Амброз-11 – сильнопрофилированные, Амброз-12 – с кнопкой.

Ключевые слова: Прикамье, Среднее Поочье, Верхнее Подонье, хронология, фибулы, пьяноборская культура, мазунинская культура, азелинская культура, андреевско-писеральские памятники, сарматское время.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-47-58

Введение. Статья подводит некоторый итог изучению «привозных» фибул в Прикамье, раннего («сарматского») периода их распространения. Ранее были рассмотрены как отдельные группы: лучковые [26], сильнопрофилированные [27], с кнопкой [28], так и общая динамика их бытования в культурах региона [30]. В задачу этой публикации входит обсуждение путей и механизмов появления фибул в Прикамье³.

Объекты и методы исследования. В первые века нашей эры, в I-III вв. н.э., в регионе Прикамье-Приуралья бытовали памятники пьяноборской, мазунинской, азелинской, ранней и развитой кара-абызской, средней и развитой гляденовской культур [45]. По распространению фибул в отдельных культурах имеются существенные отличия. В наиболее ранний период (I-II вв.) фибулы поступают практически исключительно к пьяноборскому населению, в синхронных памятниках ранней кара-абызской культуры они единичны и типологический набор отличается. В поздний период (III в.) фибулы (всех групп) поступают преимущественно к мазунинскому населению (в центральной части региона), лучковые

одночленные также широко представлены у азелинских групп (в западной части региона). У позднего кара-абызского населения (южная часть региона), занимающего промежуточное территориальное положение между лесной зоной и «сарматскими степями», фибул практически нет. Гляденовские группы (восточная часть региона) являются дальней периферией, практически лишенной фибул. Создается ощущение, что тесных контактов между синхронными группами не было [30].

Проблема хронологии комплексов и картографии находок важна для определения как этапов взаимодействия, так и векторов связей и обстоятельств поступления. В частности, динамика сильнопрофилированных и лучковых фибул принципиальна для разделения стыка между пьяноборской и мазунинской культурами, начальной даты азелинской культуры, и хронологии развития периода пьяноборской культуры.

Результаты и их обсуждение. Типологический спектр фибул позволяет выделить 3 этапа их распространения, отличающихся также территориально. 1-й – фибулы групп Амброз-5 – Авциссы,

© Красноперов А.А.

© Krasnoperov A.A.

² Фибулы позднего («черняховского») периода будут рассмотрены отдельно.

³ Непосредственно находки, комплексы, типологические определения и хронология обсуждены в предыдущих публикациях со всеми ссылками и иллюстрациями. Среди находок из области азелинской культуры нашелся неучтенный ранее пружинный аппарат с подъемного материала 1983 г. на Усть-Брыскинском могильнике, вероятно относящийся к группе Амброз-15.

Амброз-11 – сильнопрофилированные, Амброз-12 – с кнопкой, или I-II вв. н.э.; 2-й – фибулы группы Амброз-15 – лучковые и Амброз-8 – фибулы-броши, или 1 пол. III в.; 3-й – фибулы группы Амброз-13 – с завитком, или 2 пол. III – нач.(?) IV вв.

С учетом картографии и типологии наиболее понятен 3-й период (рис. 1). Фибулы с завитком, тем более с ромбической спинкой, являются специфической особенностью южноуральских памятников позднесарматского времени [36]. Их появление в Прикамье связано именно с сарматскими группами, и маркирует соответствующий хронологический горизонт [37, с. 60-63, рис. 210, 211]. Аналогично распределены лучковые фибулы с расширенной ножкой¹. Для мазунинской культуры это дает основания для выделения синхронизированного с сарматским этапом.

Второй период (рис. 2), представленный лучковыми фибулами 4-го варианта, фибулами с эмалью, отражает время формирования мазунинской и азелинской культур.

Хронология начала азелинской культуры не ясна. Находок и комплексов до рубежа эр в бассейнах Вятки и на нижней Каме нет. Попытки подогнать даты чисто декларативны (о том же: [34, с. 201; 19, с. 282]) и реальным археологическим материалом не обоснованы. Типологические ряды самых ранних азелинских находок демонстрируют развитие пьяноборских форм. В связи с чем возникают два вопроса: время появления пьяноборских находок на нижней Каме, и период (интервал) формирования непосредственно азелинской культуры. Пьяноборские находки в устье Камы картографировал Д.Г. Бугров [34, рис. 6-22]. Все они представлены самыми характерными пьяноборскими типами: сапожковыми пронизками, полупронизками, височными подвесками, застежками с неподвижным крючком [21, рис. 69: 1,7,8; 39, табл. 93: 1-3,11,12; 34, рис. 6-24: А: 3-5, Б: 1,2-5-10]. Ни одна из категорий не имеет на сегодняшний день обоснованной даты. Очевидно только, что это период расцвета пьяноборской культуры, который приходится на II в. н.э. Но насколько он «заходит» в I в. н.э. – не ясно. Сопровождающий инвентарь, там, где это возможно, не позволяет датировать «классический этап» пьяноборской культуры до рубежа эр, а вероятно, и 1 пол. I в. н.э.

К ранним комплексам на памятниках уже азелинской культуры относятся погребения на Ошкинском, Первомайском, Худяковском (см.: [33]), вероятно, Городищенском и Кошкинском, могильниках. Эти находки устойчиво сочетаются с лучковыми фибулами 4-го варианта, т.е. не могут

датироваться ранее 1 пол. III в. н.э. Другим репером является достаточно широкое распространение сарматских типов поясной гарнитуры: пряжек Малашев-П-1,2,4, наконечников Малашев-Н-1,6,7 (см.: [35]), и находок, связанных с контекстом «всаднического горизонта» по С.И. Безуглову.

В широких рамках это горизонт датируется 2 пол. II – 1 пол. III вв. (подробно: [8]). Вероятно, и по находкам, и, в т.ч. с точки зрения теоретической модели «горизонтов» [18], «всаднический горизонт» неоднороден, и на основании фибул может быть разделен на два этапа: с сильнопрофилированными фибулами и с лучковыми фибулами.

Такую же динамику образуют комплексы «всаднического горизонта» в Прикамье (он широко представлен в мазунинской и азелинской культурах) – элементов комплекса [31] первого периода, с сильнопрофилированными фибулами, в Прикамье нет (исключение – Сасыкуль, п.260 [25] но без фибулы), а с лучковыми фибулами встречаются регулярно. Соответственно, и в этом случае можно синхронизировать этапы местных и сарматских культур на уровне «горизонтов».

Наибольший интерес представляет вопрос обстоятельств появления фибул «1-го периода обращения» (рис. 3): Авцисс, фибул с кнопкой и сильнопрофилированных. Картография не позволяет считать «сармат» степной зоны источником или каналом их распространения. В этом случае вероятен «западный путь», о котором свидетельствуют и другие обстоятельства.

В литературе неоднократно поднимался вопрос о взаимодействии прикамского и окско-сурского населения. Но аргументированно он рассмотрен, видимо, только И.Р. Ахмедовым и И.В. Белоцерковской в связи с ранними комплексами рязано-окской культуры [5]. Судя по всему, в этом вопросе смешано несколько эпизодов, которые необходимо разделить и рассматривать отдельно. Один из них (проникновение андреевско-писеральских компонентов в пьяноборскую культуру) повлиял на сложение комплекса «классической» пьяноборской культуры, другой (распад пьяноборской культуры) – на становление памятников типа Сендимирино-Таутово [22] и кошибеевского этапа рязано-окской культуры [5, с. 36; 6; 7, с. 135].

В контексте этой работы интерес представляет первый эпизод².

Результаты. Вектор поступления фибул выглядит следующим образом: Прикамье <– Ока (Сура) <– верхнее и среднее Подонье <– «Причерноморье». По времени события не однородны, и связаны с (а) распадом зарубинецкой культуры, (б) формированием 1 горизонта (Рахны-Лютееж-

¹ Появление одной такой фибулы на Волге (Усатово, к.F16; хронологическая позиция комплекса странная из-за наличия сильнопрофилированной фибулы) связано с продвижением с востока на запад.

² Далее обсуждение касается только фибул, остальные проблемы надо рассматривать шире.

Почеп) позднезарубинецких памятников, (в) продвижением зарубинецких и позднезарубинецких групп на восток и север (до дьяковского ареала), (г) «войнами I в.». Это, определенно, не одномоментный процесс, а серия событий, которые хронологически укладываются в I горизонт позднезарубинецких памятников, т.е. в периоды B1 и B2, – до распространения вещей круга эмалей, маркирующих начало 2-го горизонта (Картамышево-Грини), т.е. до B2/C1. А насколько рано начинаются события, затрагивают ли они период A3, только на фибульном материале решить невозможно ввиду отсутствия находок самих фибул этого времени.

Пока можно наметить следующую схему. «Кризис зарубинецкой культуры» на протяжении I пол. I в. н.э. (подробно: [40, с. 5, 13, 14, 38, 98, 101]) привел к перегруппировкам населения и формированием шлейфа позднезарубинецких групп с разной степенью сохранения зарубинецких черт и разными «внешними» компонентами (подробно: [40, с. 43, 51-52, 100-103]). Большая часть передвижений 3 четв. I в. направлена на восток. Ранний горизонт¹ позднезарубинецких памятников маркируется глазчатыми фибулами прусской серии, многочисленными «сарматскими» находками: бусами из египетского фаянса, сильнопрофилированными, лучковыми фибулами, с кнопкой, кольцами с шпильками, витыми гривны, пластинчатыми вещами круга эмалей [16; 18, с. 33, 126-127; 23, с. 76, 79], соответствует периодам B1 и B2 (подробно: [40, с. 101]).

Поздний горизонт маркируется отсутствием «сарматской составляющей», появлением вещей круга эмалей [17, с. 136; 18, с. 125-126], соответствует периоду B2/C1 (подробно: [40, с. 30; 9, с. 153, 157, 161; 12, с. 171, 173, 181, 185; 23, с. 79]). В ходе движения, в Подонье, позднезарубинецкие группы вступают во взаимодействие с пост-позднескифским [38, с. 113; 10; 11; 14, с. 67-68], среднесарматским и среднесарматским позднесарматского времени [38, с. 22, 28, 103; 44, с. 289] населением. Результатом стало появление зарубинецких элементов вплоть до дьяковской культуры [40, с. 6; 32, с. 263-265; 4, с. 36, 39; 14, 15], «войны I в.» на Оке [15; 4, с. 41], и распространение пост-позднескифских (типа Алексеевского городища и Царев Курган (подробно: [11, с. 395; 1, с. 107])) и собственно позднезарубинецких (подробно: [43, с. 124]) непосредственно до Волги. Видимо, исходя из комплекса находок (см: [41; 42]) и особенностей обряда (подробно: [13]), именно эти события (периоды A3(?), B1, B2) стали основой формирования памятников андреевско-писеральского типа [24, с. 59; 29, с. 319]. И именно с этой волной (а не напрямую с сарматами) – зарубинецкой / позднезарубинецкой / андреевско-писеральской, в смешении с верхнедонской пост-позднескифской – связано появление части «сарматских» элементов в пьяноборских памятниках. В том числе и распространение фибул групп Амброз-5 – Авциссы, Амброз-11 – сильнопрофилированные, Амброз-12 – с кнопкой².

Список литературы

1. Андреев С. И., Бирюков И. Е. Материалы сарматского времени (I-II вв. н.э.) с Давыдовского городища в Тамбовской области // Археологическое наследие. 2022. № 1(5). С.105-115.
2. Ахмедов И.Р. «Свев» из Мордовии. К изучению культурных контактов поволжских финнов в III в. н.э. // РА. 2010. № 2. С.26-37.
3. Ахмедов И.Р. Восточноевропейские эмали на Волге и Оке // Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę rodzin. T.1 / Redakcja B. Nieabitowska-Wiśniewska, P. Łuczkiwicz, S. Saowski, M. Stasiak-Cyan, M. Erdrich. Lubin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2018. С.648-669.
4. Ахмедов И.Р. Фибулы «AVCISSA» в Посурье и Поочье // История вещей – история и вещи / РСМ. Вып.20 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2020. С.36-48. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-325-1.36-48>
5. Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. О начальной дате рязано-окских могильников // Археологический сборник / Тр. ГИМ. Вып. 96. М., 1998. С.32-42.
6. Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Хронология Кошибеевского могильника // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тез.докл. М., 1999. С.56-58.
7. Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., Румянцева О.С. Глава 3. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / РСМ. Вып. 9 / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. ИА РАН, 2007. С.133-275.

¹ Я не вижу принципиальных противоречий между мнениями А.М. Обломского и С.В. Воронятова. Обе точки зрения дополняют друг друга. А.М. Обломский говорит о самостоятельности территориальных групп Картамышево и Грини, но отмечает, что памятники запаздывают по отношению к прочим. С.В. Воронятов поддерживает аргументы В.М. Горюновой, и выделяет более поздний горизонт.

² Волна импортов периода B2/C1 относится к другому времени (подробно: [2, с. 34; 20, с. 609-610]) и другим культурным контекстам [3, с. 656, 663, 665].

Так же надо отметить, что «западная волна» хоть и связана с одним блоком событий, хронологически неоднородна. Непосредственно в андреевско-писеральских памятниках, и только в поздней их группе, представлены только фибулы группы «Авцисса».

8. Безуглов С.И. Позднесарматский курган у станицы Камышевской на Дону // Вестник Танаиса. Вып. 4/ Научн. ред. С.М. Ильяшенко. Недвиговка, 2017. С.84-147.
9. Белевец В. Г., Возняк М. Погребение из Лайск: к вопросу о связях населения пшеворской культуры и восточноевропейско-прибалтийской лесной зоны // КСИА. Вып. 254. М.: ЯСК, 2019. С.153-170. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.254.153-170>
10. Бирюков И.Е. Постскифские памятники в верхнем Подонье // Тр. VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Т. II. Самара: СГСПУ, 2020а. С.30-32.
11. Бирюков И. Е. Позднескифский горизонт в лесостепи от Днепра до Волги // Археологическое наследие. 2020б. № 1(3). С.393-403.
12. Битнер-Врублевска А. Хронология восточноевропейских изделий с выемчатыми эмальями в Прибалтике и на территории вельбарской и пшеворской культур // КСИА. Вып. 254. М.: ЯСК, 2019. С.171-190. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.254.171-190>
13. Бугров Д.Г., Мясников Н.С. Некоторые проблемы выделения «этнокультурных компонентов» памятников андреевско-писеральского типа: погребальный обряд // ПА. 2018. № 3. С.314-335.
14. Воронцов А.М. Культурно-хронологические горизонты памятников II-V вв. на территории Окско-Донского водораздела. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2013. 173 с.
15. Воронцов А.М., Столяров Е.В. Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел // Stratum plus. 2019. № 4: Меч Марса. С.51-74.
16. Воронятов С.В. Постзарубинецкие памятники типа Рахны и их соотношение ссарматскими древностями бассейнов Южного Буга и Днестра // РА. 2012. № 1. С.69-81.
17. Воронятов С.В. Постзарубинецкие хронологические горизонты (постановка вопроса) // Записки ИИМК. № 9. СПб., 2014. С.132-140.
18. Воронятов С.В. Сарматский и южно-балтийский культурные импульсы в постзарубинецких древностях горизонта Рахны-Почеп (втор. пол. I – нач. II вв. н. э.) / Дис. канд. ист. наук.: 07.00.06. СПб., 2018д. 309 с.
19. Гавритухин И.О. Хронология и динамика культур в конце позднесарматского времени и начале эпохи Великого переселения народов // Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов / Под общ. ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. Р. Д. Голдина. Казань: изд-во АН РТ, 2022. С.272-316.
20. Гавритухин И.О., Воронцов А.М. Узкие ременные наконечники с щелью для крепления, бытовавшие во 2–3 веках на востоке Европы // Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę rodzin. T.1 / Redakcja B. Nieabitowska-Wiśniewska, P. Łuczkiwicz, S. Saowski, M. Stasiak-Cyan, M. Erdrich. Lubin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2018. S.592-617.
21. Генинг В.Ф. Азелинская культура III-V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов // ВАУ. Вып.5 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УРКМ, УГУ, 1963. С.5-144, 158-160, 24 табл.
22. Гришаков В. В., Мясников Н. С. Волго-Сурское междуречье в III-V вв. н. э. Памятники Нижнего Посурья (Сендимиркино-Таутово) // Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов / Под общ. ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. Р. Д. Голдина. Казань: изд-во АН РТ, 2022. С.241-250.
23. Егорейченко А.А. Белорусское Полесье в 1 пол. I тыс. н.э. // Славянский мир Полесья в древности и средневековье / Гл.ред. О.А. Макушников. Гомель, 2004. С.76-82.
24. Красноперов А.А. Об «угорском следе» в пьяноборской культуре // Камский торговый путь: Материалы Всеросс. науч.-практич. конф. Елабуга: изд-во ЕГПУ, 2008. С.54-63.
25. Красноперов А.А. К атрибуции находки из раскопок Тарасовского могильника позднесарматского времени в Прикамье // Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: қорытындылары мен келешегі: Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 20 жылдығына және ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының 20 жылдық мерейтойына арналған халықаралық ғылыми конференция материалдары / Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Марғұлана КН МОН РК. Т.2. Алматы, 2011. С.228-238.
26. Красноперов А.А. Значение лучковых фибул в хронологии памятников среднего Прикамья // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 4. С.59-66. DOI: <http://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-04-59-66>
27. Красноперов А.А. Сильнопрофилированные фибулы с территории Прикамья и их контекст // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2022. Т. 22, № 4. С.42-50. DOI:

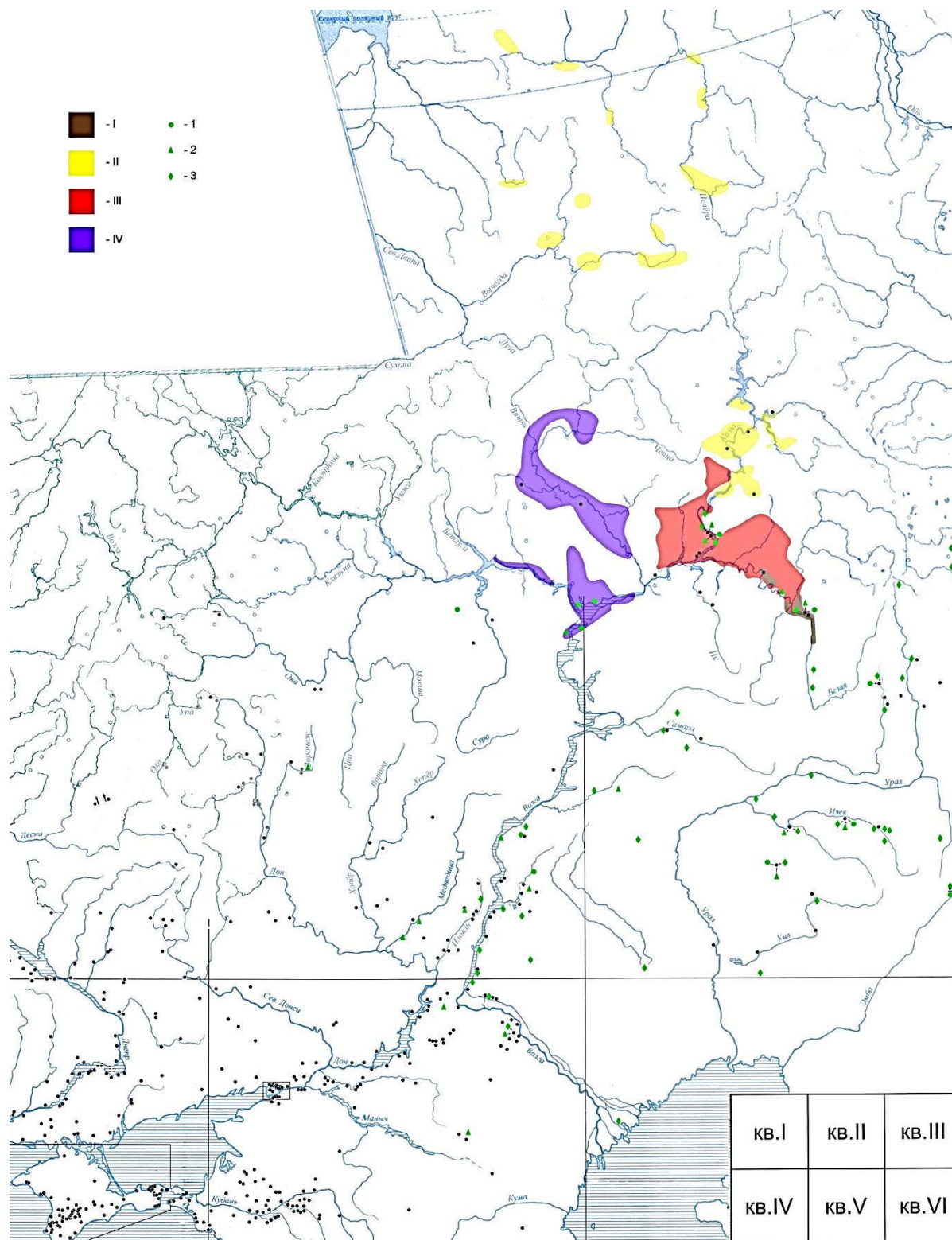
<https://doi.org/10.14529/ssh220405>.

28. Красноперов А.А. Фибулы с кнопкой на конце сплошного пластинчатого приемника в Прикамье и вероятные пути их поступления // Вестник Брянского государственного университета. 2023а. № 1. С.72-83. DOI: <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2023-07-01-72-83>
29. Красноперов А.А. К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников. Ч. 4-2: бронзовые наколенники стрел // АЕС. 2023б. № 2. С.310-325. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.310.325>
30. Красноперов А.А. Привозные фибулы Прикамья первых веков н.э.: динамика распространения // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 2 (50). С.230-258. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.50.14>
31. Красноперов А.А. Контекст сбруйного набора из погребения 14 Ошкинского могильника на Вятке // В печати
32. Кренке Н.А. Позднесарматская культура на территории бассейна Москвы-реки // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V-VII вв.) / РСМ. Вып. 16 / Отв.ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016. С.261-332.
33. Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I-V вв. н.э.) / МИ КВАЭ. Т.27. Ижевск, 2014. 427 с.
34. Лыганов А.В., Бутров Д.Г. Находки раннего железного века. Пестречинские стоянки эпохи раннего металла и раннего железа в Нижнем Прикамье и их природное окружение // АЕС. 2019. № 4. С.201-232.
35. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / МИАД. Вып. 1 / Отв.ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону, 2000. С.194-217.
36. Малашев В. Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир: материалы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12-15 мая 2014 г. / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, Н. С. Савельев / Уфимский археологический вестник. Вып. 14. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С.130-140.
37. Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: ВЛ, 2008. 366 с.
38. Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.
39. Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм / Материалы охранных исследований. Т.13. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.
40. Позднесарматские памятники на территории Украины (2 пол. I–II вв. н.э. РСМ. Вып.12 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2010. 330 с.
41. Ставицкий В.В. Западный компонент в материалах Андреевского кургана // Вестник НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 3(27). С.126-141.
42. Ставицкий В.В. Западный и восточный импульсы в формировании культуры андреевско-писеральского населения // Filo Ariadne. 2017. № 1(5). [Электронный ресурс]. URL: <http://filoariadne.esrae.ru/pdf/2017/1/132.pdf>
43. Хреков А.А. Периодизация и хронология постсарматских памятников лесостепного Прихоперья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып.11 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: б/и., 2013а. С.117-139.
44. Хреков А.А. Опыт реконструкции этно-исторических процессов первых веков н. э. на территории лесостепного Прихоперья // Археология Восточноевропейской степи. Вып.10 / Под ред. В.А. Лопатина. Саратов, 2013б. С.288-304.
45. Syrovatko A., Mikhaylova E., Krasnoperov A., 2024. The Western Forest Zone During the Transition from the Roman Times to the Early Middle Ages // Encyclopedia of Archaeology, 2nd Edition, vol. 4 / Eds. T. Rehren, E. Nikita. London: Academic Press. P.712-732.

Список сокращений

- АЕС – Археология Евразийских степей / Arheologiya Evrazijskih stepej [Archeology of the Eurasian steppes]. Казань.
- ВАУ – Вопросы археологии Урала / Voprosy arheologii Urala [Questions of archeology of the Urals]. Свердловск; Ижевск; Екатеринбург.
- КСИА – Краткие сообщения института археологии / Kratkie soobshhenija instituta arheologii [Brief communications from the Institute of Archeology]. М.; Л.
- ПА – Поволжская археология / Povolzhskaja arheologija [The Volga River Region Archaeology]. Казань.
- РА – Российская археология / Rossijskaja arheologija [Russian archeology].
- РСМ – Раннеславянский мир / Rannelslavjanskij mir [Early Slavic world]. М.; Вологда.

Подписи к рисункам

Рис. 1. Распространение фибул третьего периода (2 пол. III – нач. IV в.). Ареалы: I – кара-абызская, II – гляденовская, III – мазунинская, IV – азелинская культуры. 1 – лучковые с широкой ножкой, 2 – фибулы с завитком с узкой спинкой, 3 – с завитком с ромбической спинкой.

Здесь и далее: топооснова – В.В. Кропотов; дополнения по А.М. Обломскому, А.В. Воронцову, И.Р. Ахмедову, Н.С. Мясникову, И.В. Ислановой, данным автора. Учитывая масштаб карт и задачи статьи ареалы даны без детализации.

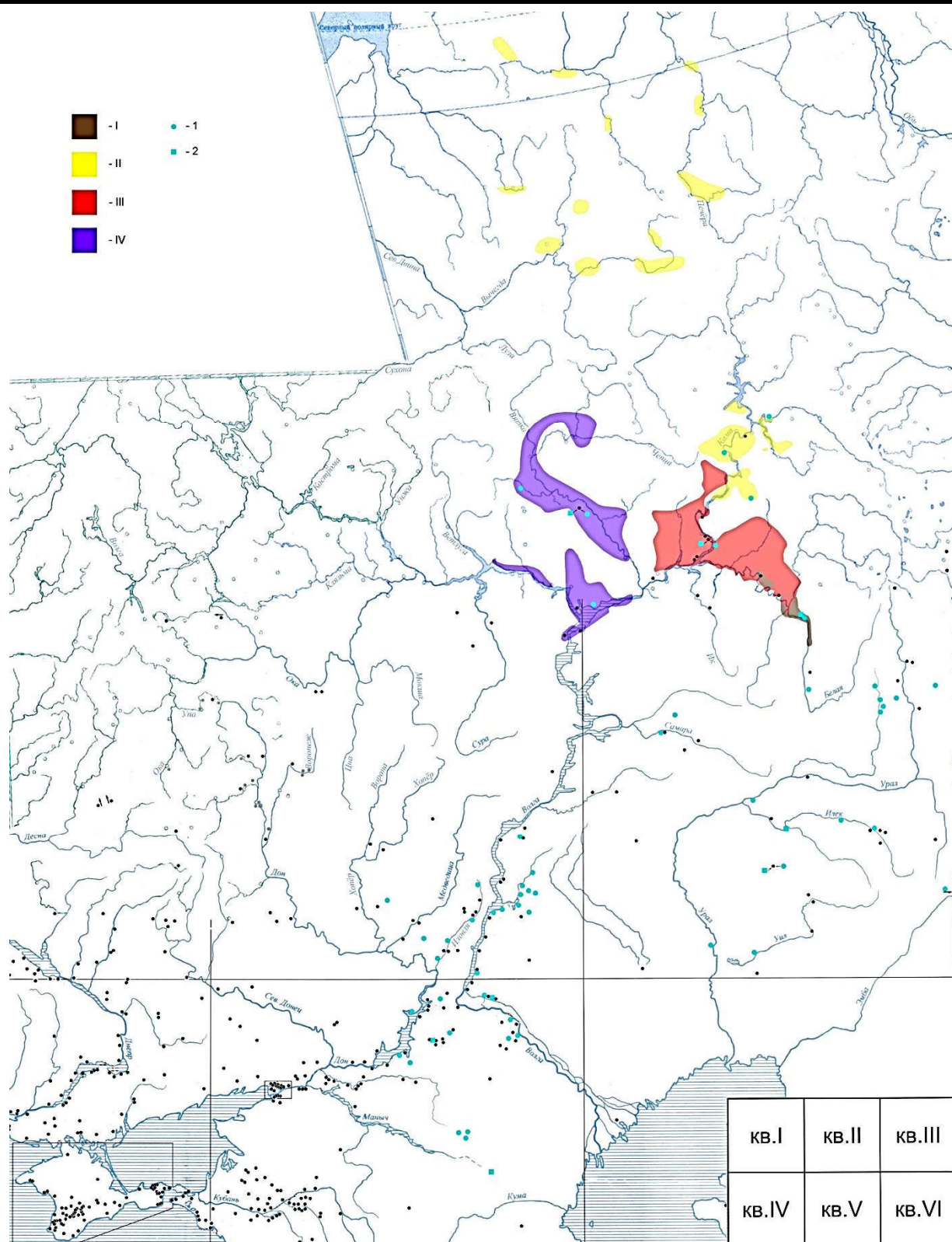
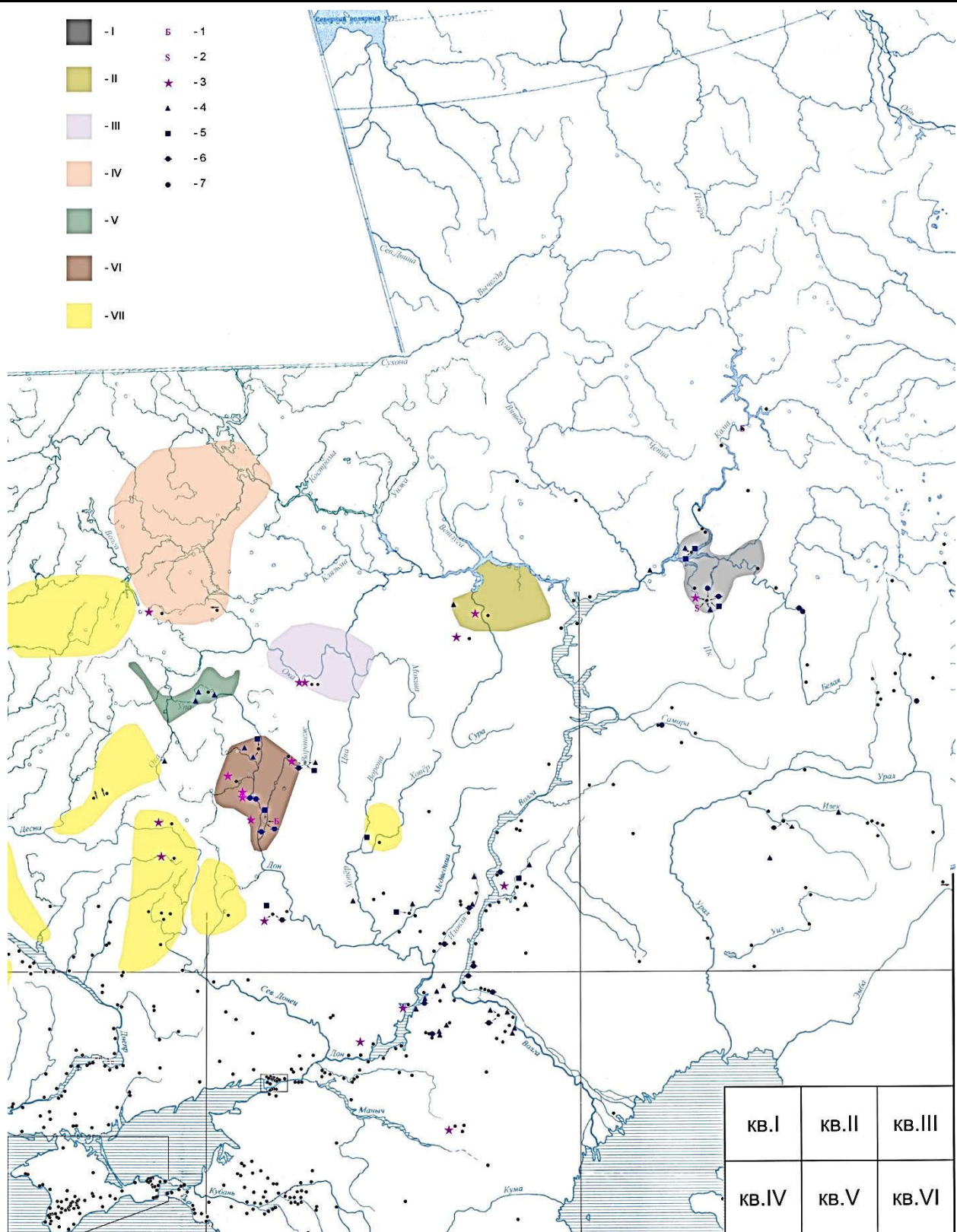

Рис. 2. Распространение фибул второго периода (1 пол. III в.). Ареалы: I – кара-абызская, II – гляденовская, III – мазунинская, IV – азелинская культуры. 1 – лучковые варианты 4 и 5, 2 – фибулы-броши.

Рис. 3. Распространение фибул первого периода (I-II вв.). Ареалы: I – пьяноборская, III – рязаноокская, IV – позднедьяковская культуры, II – андреевско-писеральские, V – ново-клеменово, VI – пост-позднескифские, VII – позднезарубинецкие памятники. 1 – фибулы-броши, 2 – фибулы с S-образным завитком на конце приемника, 3 – Авциссы, 4 – сильнопрофилированные, 5 – с кнопкой, 6 – лучковые варианта 2, 7 – лучковые варианта 3. 1-3 – первый подпериод, 4-7 – второй подпериод.

IMPORTED FIBULAE FROM THE KAMA REGION OF THE FIRST CENTURIES AD: MECHANISMS AND ROUTES OF RECEIPT

The article summarizes the study of “imported” fibulae in the Kama region, the early («Sarmatian») period of their distribution. The purpose of this publication is to discuss the ways and mechanisms of the appearance of fibulae in the Kama region. The typological spectrum of fibulae allows us to distinguish 3 stages of their distribution, which also differ geographically. 1st – fibulae of groups Almgren-242, Almgren-87, Almgren-204, or I-II centuries. AD; 2nd – fibulae of the group Almgren-156 and enameled brooches, or 1 half of the 3rd century; 3rd – fibulae of the Almgren-192, or 2 half of the III – beginning (?) IV centuries. The types of fibulae of the third period are completely oriented towards the Sarmatian groups of the southern Urals. The second period reflects the time of formation of the Mazunino and Azelino cultures. Cartography of fibulae of the «1st period of circulation» does not allow us to consider the «Sarmatian» steppe zone as the source or channel of their distribution. In this case, the «Western path» is likely, as evidenced by other circumstances. The vector of influx of fibulae is as follows: Kama region <– Oka (Sura) <– upper and middle Don region <– «Black Sea region». The events are not homogeneous in time, and are associated with (a) the collapse of the Zarubintsy culture, (b) the formation of 1 horizon (Rakhny-Lyutezh-Pochep) of the late Zarubintsy monuments, (c) the advance of the Zarubintsy and late Zarubintsy groups to the east and north (to the Dyakovo area), (d) «wars of the 1st century». It is with this wave (and not directly with the Sarmatians) – «the Zarubintses» / «Late Zarubintses» / «Andreevka-Piseraly», mixed with the Upper Don post-Late Scythian – that the appearance of part of the «Sarmatian» elements in the Pyany Bor monuments is associated. Including the distribution of fibulae of the groups Almgren-242, Almgren-87, Almgren-204.

Keywords: the Kama region, Middle Oka region, Upper Don, chronology, fibulae, Pyany Bor archaeological culture, Mazunino archaeological culture, Azelino archaeological culture, Andreevka-Piseraly monuments, Sarmatian time

References

1. Andreev S. I., Biryukov I. E. (2022). Materialy sarmatskogo vremeni (I-II vv. n.e.) s Davydovskogo gorodishcha v Tambovskoj oblasti [Materials of the Sarmatian period (I-II centuries AD) from the Davydov settlement in the Tambov region] // *Arheologicheskoe nasledie* [Archaeological Heritage]. № 1(5). P.105-115.
2. Ahmedov I.R. (2010). «Suev» iz Mordovii. K izucheniyu kul'turnyh kontaktov povolzhskikh finnov v III v. n.e. [“Suev” from Mordovia. To the study of cultural contacts of the Volga Finns in the 3rd century AD.] // *Rossijskaja arheologiya* [Russian archeology]. № 2. P.26-37.
3. Ahmedov I.R. (2018). Vostochnoevropskie emali na Volge i Oke [Eastern European enamels on the Volga and Oka] // *Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę rodzin* [For Professor Andrzej Kokowski on His 65 birthday]. T. 1 / Red. B. Nieabitowska-Wiśniewska, P. Łuczkiewicz, S. Saowski, M. Stasiak-Cyan, M. Erdrich. Lubin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. P.648-669.
4. Ahmedov I.R. (2020). Fibuly «AVCISSA» v Posur'e i Pooch'e [Fibulae «AVCISSA» in the Sura and Oka River Areas] // *Istoriya veshhej – istoriya i veshhi. K 60-letnemu jubileju I.O. Gavrituhina* [The History of Things – the History and Things] / *Ranneslavjanskij mir* [Early Slavic world]. Iss. 20 / Ed. A.M. Oblomskij. M.: IA RAN. P.36-48. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-325-1.36-48>
5. Ahmedov I.R., Belocerkovskaya I.V. (1998). O nachal'noj date ryazano-okskih mogil'nikov [On the initial date of the Ryazan-Oka burial grounds] // *Arheologicheskij sbornik* [Archaeological collection] / *Trudy GIM* [Proceeding of SHM]. Iss. 96. M. P.32-42.
6. Ahmedov I.R., Belocerkovskaya I.V. (1999). Hronologiya Koshibeevskogo mogil'nika [Chronology of the Koshibeevsky burial ground] // *Nauchnoe nasledie A.P. Smirnova i sovremennye problemy arheologii Volgo-Kam'ya* [Scientific heritage of A.P. Smirnova and modern problems of archeology of Volga-Kama]. M. P.56-58.
7. Ahmedov I.R., Belocerkovskaya I.V., Rumyantseva O.S. (2007). Glava 3. Kul'tura ryazano-okskih mogil'nikov [Chapter 3. Culture of the Ryazan-Oka burial grounds] // *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n.e.* [Eastern Europe in the middle of the millennium AD.] / *Ranneslavjanskij mir* [Early Slavic world]. Iss. 9 / Eds. I.O. Gavrituhin, A.M. Oblomskij. M.: IA RAN. P.133-275.
8. Bezuglov S.I. (2017). Pozdnesarmatskij kurgan u stanicy Kamyshevskoj na Donu [Late Sarmatian mound near the village of Kamyshevskaya on the Don] // *Vestnik Tanaisa* [Bulletin of Tanais]. Iss. 4 / Ed. S.M. Il'yashenko. Nedvigovka. P.84-147.
9. Belevce V. G., Voznyak M. (2019). Pogrebenie iz Lajsk: k voprosu o svyazyah naseleniya pshevorskoj kul'tury i vostochnoevropsko-pribaltijskoj lesnoj zony [Burial from Lajsk: on the issue of connections between the population of the Przeworsk culture and the Eastern European-Baltic forest zone] // *Kratkie soobshheniya instituta arheologii* [Brief communications from the Institute of Archeology]. Iss. 254. M. P.153-170. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.254.153-170>
10. Biryukov I.E. (2020a). Postskifskie pamjatniki v Verhnem Podon'e [Post-Scythian monuments in the Upper Don] // *Trudy VI (XXII) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Samare* [Proceedings of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara]. T. II. Samara: SGSPU. P.30-32.
11. Biryukov I. E. (2020b). Pozdneskifskij gorizont v lesostepi ot Dnepra do Volgi [Late Scythian

horizon in the forest-steppe from the Dnieper to the Volga] // *Arheologicheskoe nasledie* [Archaeological Heritage]. № 1(3). P.393-403.

12. Bitner-Vrublevska A. (2019). Hronologiya vostochnoevropejskih izdelij s vyemchatymi emalyami v Pribaltike i na territorii vel'barskoj i pshevorskoj kul'tur [Chronology of Eastern European items with champ-levé enamels in the Baltics and on the territory of the Wielbar and Przeworsk cultures] // *Kratkie soobshhenija instituta arheologii* [Brief communications from the Institute of Archeology]. Iss. 254. M. P.171-190. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.254.171-190>

13. Bugrov D.G., Mjasnikov N.S. (2018). Nekotorye problemy vydelenija «jetnokul'turnyh komponentov» pamjatnikov andrejevsko-piseral'skogo tipa: pogrebal'nyj obrjad [Some Issues in Defining «Ethnic and Cultural Components» of the Andreevka-Piseraly Type of sites: burial rite] // *Povolzhskaja arheologija* [The Volga River Region Archaeology]. № 3. P.314-335. DOI: <https://doi.org/10.24852/2018.3.25.314.335>

14. Voroncov A.M. (2013). Kul'turno-hronologicheskie gorizonty pamjatnikov II-V vv. na territorii Ok-sko-Donskogo vodorazdela [Cultural-chronological Horizons of Sites of II-V cent. in Territory of Oka-Don Watershed]. Tula: GMZ «Kulikovo pole». 173 p.

15. Voroncov A.M., Stoljarov E.V. (2019). Vojna I veka na granice lesnoj zony: Oksko-Donskoj vodo-razdel [The I cent. War of on the Border of Forest Zone: Oka-Don Interfluve] // *Stratum plus*. №4. P.51-74.

16. Voronyatov S.V. (2012). Postzarubineckie pamyatniki tipa Rahny i ih sootnoshenie ssarmatskimi drevnostyami bassejnov YUzhnogo Buga i Dnestra [Post-Zarubinecs monuments of the Ranna type and their relationship with Sarmatian antiquities of the Southern Bug and Dniester basins] // *Rossijskaja arheologija* [Russian archeology]. № 1. P.69-81.

17. Voronyatov S.V. (2014). Postzarubineckie hronologicheskie gorizonty (postanovka voprosa) [Post-Zarubinecs chronological horizons (posing the question)] // *Zapiski IIMK* [Notes IHMC]. № 9. SPb. P.132-140.

18. Voronyatov S.V. (2018d). Sarmatskij i yuzhno-baltijskij kul'turnye impul'sy v postzarubineckih drevnostyah gorizonta Rahny-Pochep (vtor. pol. I – nach. II vv. n. e.) [Sarmatian and South Baltic cultural impulses in post-Zarubinty antiquities of the Rakhny-Pochep horizon (second half of the 1st – beginning of the 2nd centuries AD)] / PhD Thessis. SPb. 309 p.

19. Gavrituhin I.O. (2022). Hronologiya i dinamika kul'tur v konce pozdnesarmatskogo vremeni i na-chale epohi Velikogo pereseleniya narodov [Chronology and dynamics of culture at the end of the late Sar-matian time and the early era of the Great Migration of Peoples] // *Arheologiya Volgo-Ural'ya: v 7 t. T. 4. Epoha Velikogo pereseleniya narodov* [Archeology of the Volga-Urals: in 7 volumes. T. 4. The era of the Great Mi-gration of Peoples] / Eds. A. G. Sitdikov, R. D. Goldina. Kazan': izd-vo AN RT. P.272-316.

20. Gavrituhin I.O., Voroncov A.M. (2018). Uzkije remennye nakonechinki s shhel'ju dlja kreplenija, bytovavshie vo 2–3 vekah na vostoce Evropy [Narrow strap-ends with a slit for fastening used in the 2nd-3rd centuries in the East of Europe] // *Profesorowi Adrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę rodzin* [For Professor Andrzej Kokowski on His 65 birthday]. T. 1 / Red. B. Nieabitowska-Wisniewska, P. Luczkiewicz, S. Saowski, M. Stasiak-Cyan, M. Erdrich. Lubin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. P.592-617.

21. Gening V.F. (1963). Azelinskaya kul'tura III-V vv. Oчерки istorii Vyatskogo kraja v epohu perese-leniya narodov [Azelino culture III-V centuries. Essays on the history of the Vyatka region during the era of migration of peoples] // *Voprosy arheologii Urala* [Questions of archeology of the Urals]. Iss. 5 / Ed. A.F. Medvedev. Izhevsk, Sverdlovsk: URKM, UGU. P.5-144, 158-160, 24 tabl.

22. Grishakov V.V., Myasnikov N.S. (2022). Volgo-Surskoe mezhdurech'e v III-V vv. n. e. Pamyatniki Nizhnego Posur'ya (Sendimirkino-Tautovo) [Volga-Sura interfluve in the III-V centuries. n. e. Monuments of the Lower Subsur'ye (Sendimirkino-Tautovo)] // *Arheologiya Volgo-Ural'ya: v 7 t. T. 4. Epoha Velikogo pere-seleniya narodov* [Archeology of the Volga-Urals: in 7 volumes. T. 4. The era of the Great Migration of Peo-ples] / Eds. A. G. Sitdikov, R. D. Goldina. Kazan': izd-vo AN RT. P.241-250.

23. Egorjchenko A.A. (2004). Belorusskoe Poles'e v 1 pol. I tys. n.e. [Belarusian Polesie in the 1st half. I thousand N.E.] // *Slavyanskij mir Poles'ya v drevnosti i srednevekov'e* [Slavic world of Polesie in antiquity and the Middle Ages] / Ed. O.A. Makushnikov. Gomel'. P.76-82.

24. Krasnoperov A.A. (2008). Ob «ugorskom slede» v p'janoborskoj kul'ture [On the «Ugric trace» in the Pyanobor culture] // *Kamskij trgovyj put'* [Kama trade route]. Elabuga: izd-vo EGPU. P.54-63.

25. Krasnoperov A.A. (2011). K atribucii nahodki iz raskopok Tarasovskogo mogil'nika pozdnesar-matskogo vremeni v Prikam'e [On the attributes of finds from excavations of the Tarasovsky burial ground of the late Sarmatian period in the Kama region] // *Arheologiya Kazakhstana v epohu nezavisimosti: itogi, perspek-tivy: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Archeology of Kazakhstan in the era of independence: results, prospects: materials of the international scientific conference]. T.2. Almaty. P.228-238.

26. Krasnoperov A.A. (2021). Znachenie luchkovykh fibul v hronologii pamyatnikov srednego Prikam'ya [The significance of archery fibulae in the chronology of monuments of the middle Kama region] // *Vestnik*

- Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Bryansk State University. № 4. P.59-66. DOI: <http://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-04-59-66>
27. Krasnoperov A.A. (2022). Sil'noprofilirovannye fibuly s territorii Prikam'ya i ih kontekst [Highly profiled brooches from the territory of the Kama region and their context] // Vestnik YUUrGU. Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki» [Bulletin of Yuurgu. Series «Social Sciences and Humanities»]. T. 22, № 4. P.42-50. DOI: <https://doi.org/10.14529/ssh220405>.
28. Krasnoperov A.A. (2023a). Fibuly s knopkoy na konce sploshnogo plastinchatogo priemnika v Prikam'e i veroyatnye puti ih postupleniya [Fibulae with a button at the end of a solid plate receiver in the Kama region and probable routes of their arrival] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Bryansk State University]. № 1. P.72-83. DOI: <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2023-07-01-72-83>
29. Krasnoperov A.A. (2023b). K voprosu o rannej date p'yanoborskih pamyatnikov. CH. 4-2: bronzovye nakonechniki strel [On the question of the early date of the Pyanobor monuments. Part 4-2: bronze arrowheads] // Arheologiya Evrazijskih stepej [Archeology of the Eurasian steppes]. № 2. P.310-325. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.310.325>
30. Krasnoperov A.A. (2024). Privoznye fibuly Prikam'ya pervyh vekov n.e.: dinamika rasprostraneniya [Imported brooches of the Kama region of the first centuries AD: dynamics of distribution] // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University]. № 2 (50). P.230-258. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.50.14>
31. Krasnoperov A.A. (In print). Kontekst sbrujnogo nabora iz pogrebeniya 14 Oshkinskogo mogil'nika na Vyatke Context of a harness set from burial 14 of the Oshkinsky burial ground on Vyatka
32. Krenke N.A. (2016). Pozdned'yakovskaya kul'tura na territorii bassejna Moskovy-reki [Pozdned'yakovskaya culture in the Moscow River basin] // Rannesrednevekovye drevnosti lesnoj zony Vostochnoj Evropy (V-VII vv.) / Ranneslavjanskij mir [Early Slavic world]. Iss. 16 / Eds. A.M. Oblomskij, I.V. Islanova. M.: IA RAN, 2016. P.261-332.
33. Leshchinskaya N.A. (2014). Vyatskij kraj v p'yanoborskuyu epohu (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov I-V vv. n.e.) [Vyatka region in the Pyanyj Bor era (based on materials from funerary monuments of the 4th-8th centuries AD)] / MI KVAE. T.27. Izhevsk. 427 p.
34. Lyganov A.V., Bugrov D.G. (2019). Nahodki rannego zheleznoogo veka. Pestrechinskie stoyanki epohi rannego metalla i rannego zheleza v Nizhnem Prikam'e i ih prirodnoe okruzhenie [Finds of the Early Iron Age. Pestrechinsky sites of the Early Metal and Early Iron Ages in the Lower Kama region and their natural environment] // Arheologiya Evrazijskih stepej [Archeology of the Eurasian steppes]. № 4. P.201-232.
35. Malashev V.YU. (2000). Periodizaciya remennyh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of belt sets of the late Sarmatian period] // Sarmaty i ih sosedi na Donu [Sarmatians and their neighbors on the Don] / Ed. YU.K. Guguev. Rostov-na-Donu. P.194-217.
36. Malashev V. YU. (2014). Nekotorye aspekty kontaktov nositelej pozdnesarmatskoj kul'tury yuzhnoural'skih stepej s naseleniem lesnoj i lesostepnoj polosy Povolzh'ya i Priural'ya [Some aspects of contacts of the carriers of the Late Sarmatian culture of the South Ural steppes with the population of the forest and forest-steppe zone of the Volga and Urals] // Sarmaty i vneshnij mir [Sarmatians and the outside world] / Eds. L. T. YAbloonskij, N. S. Savel'ev / Ufinskij arheologicheskij vestnik [Ufa Archaeological Bulletin]. Iss. 14. Ufa: IIYAL UNC RAN, Centr «Nasledie». P.130-140.
37. Malashev V.YU., YAbloonskij L.T. (2008). Stepnoe naselenie YUzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 [Steppe population of the Southern Urals in the late Sarmatian period: based on materials from the Pokrovka 10 burial ground]. M.: VL. 366 p.
38. Medvedev A.P. (2008). Sarmaty v verhov'jakh Tanaisa [Sarmatians in the Upper Tanais]. M.: Taus. 252 p.
39. Oshibkina S.V. (2010). Vyatskie drevnosti: mogil'nik Tyum-Tyum [Vyatka antiquities: Tyum-Tyum burial ground] / Materialy ohrannyh issledovanij [Materials of security research]. T.13. M.: IA RAN. 212 p.
40. Pozdnezarubineckie pamjatniki na territorii Ukrainy (2 pol. I-II vv. n.e. (2010). [Late Zarubintsy sites on the territory of Ukraine (second half of the 1st–2nd cent. AD)] / Ed. A.M. Oblomskij / Ranneslavjanskij mir [Early Slavic world]. Iss. 12. M.: IA RAN. 330 p.
41. Stavickij V.V. (2013). Zapadnyj komponent v materialah Andreevskogo kurgana [Western component in the materials of Andreevka Kurgan] // Vestnik NIIGN pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Bulletin of NIIGN under the Government of the Republic of Mordovia]. № 3(27). P.126-141.
42. Stavickij V.V. (2017). Zapadnyj i vostochnyj impul'sy v formirovanii kul'tury andreevskopiseral'skogo naseleniya [Western and Eastern impulses in the formation of the culture of the Andreevskopiseral'sky population] // Filo Ariadne. № 1(5). [Elektronnyj resurs]. URL: <http://filoariadne.esrae.ru/pdf/2017/1/132.pdf>

43. KHrekov A.A. (2013a). Periodizaciya i hronologiya postzarubineckih pamyatnikov lesostepnogo Prihoper'ya [Periodization and chronology of post-Zarubineck monuments of the forest-steppe Koper-River region] // *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraja* [Archaeological heritage of the Saratov region]. Iss. 11 / Ed. A.I. Yudin. Saratov. P.117-139.

44. KHrekov A.A. (2013b), Opyt rekonstrukcii etno-istoricheskikh processov pervykh vekov n. e. na territorii lesostepnogo Prihoper'ya [Experience in reconstructing ethno-historical processes of the first centuries AD. e. on the territory of the forest-steppe Koper-River] // *Arheologiya Vostochnovropejskoj stepi* [Archeology of the East European steppe]. Iss. 10 / Es. V.A. Lopatin. Saratov. P.288-304.

45. Syrovatko A., Mikhaylova E., Krasnoperov A. (2024). The Western Forest Zone During the Transition from the Roman Times to the Early Middle Ages // *Encyclopedia of Archaeology*, 2nd Edition, vol. 4 / Eds. T. Rehren, E. Nikita. London: Academic Press. P.712-732.

Об авторе

Красноперов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка, литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (Россия), E-mail: alexander.kaa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7931-4536>

Krasnoperov Alexander Anatolevich – Candidate of Historical Sciences, Researcher. Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS (Izhevsk, Russia), E-mail: alexander.kaa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7931-4536>